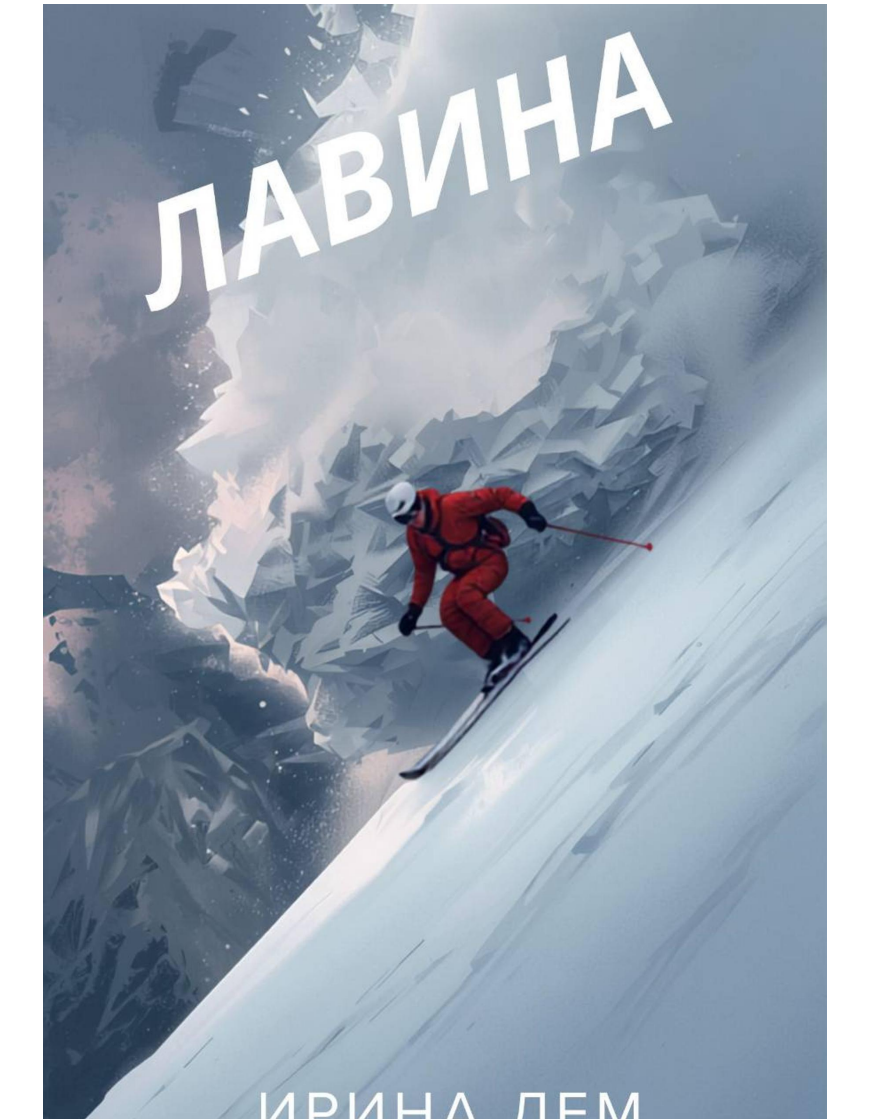

ЛАВИНА

An artistic illustration of a skier in a red suit and white helmet navigating a steep, icy mountain slope. The skier is in a dynamic pose, leaning into a turn. The background features a massive, jagged ice formation, possibly a glacier or a large snowfield, with a sense of movement and danger. The overall color palette is cool, dominated by blues and greys, with the red of the skier's suit providing a strong contrast.

ИРИНА ДЕМ

Ирина Лем Лавина

<https://litres.ru/71688193>

SelfPub; 2026

Аннотация

В королевской семье Нидерландов произошла страшная трагедия: Фризо - брат наследного принца Виллем-Александра, катаясь на лыжах в горах, попал под лавину, после чего впал в кому. Многообещающая судьба закончилась трагически.

Рассказ основан на реальных событиях.

Ирина Лем

Лавина

– Отбушевал первый осенний шторм и затих, будто устыдился собственной ярости. Воздух не гудит голосом взбешенного великана, не завихряется, будто подгоняемый гигантской метлой. Ветер не ломает деревья, не срывает крыши с домов. Море не вздымается свирепо, не посылает к берегу полные раздражения волны... После шторма наступает спокойствие в природе. В нашей семье спокойствие не наступит никогда...

С каждым словом голос терял силу и на последних словах прервался. Виллем-Александр наклонил голову, чтобы скрыть подступившие слезы. Облаченный в черное, Король Голландии выступал с прощальной речью за трибуной, одетой в траурного цвета велюр.

Неподалеку на треноге стоял портрет смеющегося молодого мужчины, а рядом его гроб. Смех и смерть – противостественная комбинация. Не укладывается в логику. Умножает печаль.

Гроб закрыт. Пусть его хозяин спит безмятежно. Покойному не нужны зрители. Сон и смерть – дела интимные. Их

не стоит выставлять напоказ.

На крышке венки из торжественно-белых лилий, перевитых лентами цвета девственно-нетронутого снега. Такой чистый, ослепляющий снег бывает только высоко в горах, недоступных, неприступных. Горы манят к себе молодых и отважных, чтобы дать себя покорить... или погубить.

Горы забирают лучших.

Несправедливо.

Невыносимо – смотреть на ленты, свисающие с гроба: тонкие, бессильные, похожие на руки, в которые никогда не вольется живая энергия.

Энергия никогда не вольется в того, кто лежит под крышкой. Трудно поверить. Невозможно осознать. Сюрреализм – искаженная действительность. Не на картине, а в действительности. Мозг отказывается воспринимать, несмотря на скорбную обстановку, тревожную тишину, похоронную церемонию...

Церемония проходила в древнем храме под названием «Новая церковь». Никакого противоречия: храм не застрял в своем почтенном возрасте, он постоянно получал новые детали в облик и новых членов в усыпальницу, в компанию к Виллему Первому Оранскому – основателю королевской ди-

настиг. Виллем пал в расцвете лет от руки наемного убийцы. Спящий в гробу тоже пал в расцвете лет... От руки судьбы. Ни от того, ни от другого невозможно защититься.

В минуту печали монарх, как обычный человек, ищет поддержку в глазах родных. Виллем-Александр взглянул в зал. Там только семья и самые близкие друзья. В первом ряду мать покойного Беатрикс: вся в черном, с бледным лицом и темными тенями вокруг глаз. Рядом жена, теперь вдова, одетая символично: черное платье в знак траура, один рукав белый – как воспоминание о свадьбе и обещание вечной верности. Лучший друг Флориан сидит сзади: склонил голову, приложил руку к глазам, задержал дыхание, чтобы не всхлипывать. Ни репортеров с телекамерами, ни любопытных зевак с телефонами – спасибо народу за деликатность. Покойный и при жизни не любил быть центром внимания, а после смерти и подавно...

После смерти...

Король незаметно, неслышно вздохнул. В зале тишина, которую страшно нарушить малейшим шевелением или даже биением сердца. Тишина незримым, плотным облаком заполнила пространство, поднялась к высокому, острому, как горный пик, потолку и замерла, будто ожидала чего-то.

Может быть ответа на вопрос – почему?
Есть вопросы, которые лучше не задавать.
Есть ситуации, когда только плакать.

Плакали и женщины, и мужчины. Молча. Сдержанность в горе и в радости отличает монархов от обычных. Королю и мужчине не пристало плакать на виду. Виллем-Александр проглотил ком, стоявший в горле. Глубоко вздохнул, поднял голову. Глаза резанул контраст: черные одежды на людях и белые гирлянды на стенах.

Молодость и смерть – бОльшего контраста не придумать.

В копилку контрастов добавилось витражное окно на противоположной стороне храма. Оно сверкало, переливалось всеми красками радуги, заигрывало с солнцем, беспечно сиявшим на безоблачном небе. Доносилось воркование голубей и голоса других птиц, певших гимны жизни.

Природа ликовала.

Ее ликование выглядело неприлично. Будто легкомысленная девушка флиртует на похоронах: перебирает стекляшки бус, посылая солнечные зайчики, насвистывает песенки, привлекая женихов. Приличней было бы природе помрачнеть небом, заплакать дождем – горевать вместе с королев-

ской семьей.

А может она уже погоревала, не так давно разразившись штормом, поломав деревья, напугав зверей и людей? Может Виллем-Александр зря обижается?

Может пора перестать барахтаться в море горя?

Пора выходить на берег принятия и успокоения...

Вечная печаль – слишком большая роскошь для короля.

– После бури, какой бы разрушительной она ни была, природа успокаивается, возвращается в привычное русло. Так и мы. После шторма неверия, обид и возмущения возвратимся постепенно к обычной жизни. Которая никогда не будет такой, как прежде. Когда был жив мой брат принц Йоханн Фризо. Всего сорок четыре года прожил он. Слишком мало, чтобы подводить итоги или говорить «прощай».

Виллем-Александр склонил голову и надолго замолчал, вспоминая...

Королевская семья прибыла в горную альпийскую деревню Лех на выходные – вместе отметить Пасху. Лех встречал их сияющим солнцем, как самых дорогих гостей. Встречал и, как радушный хозяин, обещал: в эти два дня с вами ничего плохого не случится.

Самое страшное может случиться в два мгновения... Но кто же знал? Судьба не предупреждает.

Прибыли в полном составе: мать Беатрикс, трое сыновей, их жены и дети. Кроме Пасхи имелся еще один повод собраться вместе: чтобы отпраздновать перемены на престоле, повлекшие перемены в статусе членов семьи.

Мать честно отдала долг стране: отработала королевой три десятка лет, отреклась в пользу старшего сына и снова стала принцессой. Звание королевы (без права царствовать самостоятельно) перешло к супруге Виллема-Александра – Максиме. Средний сын Йохан-Фризо стал бы следующим претендентом на трон, однако, женившись на девушке с «сомнительной» по мнению парламента репутацией, потерял право на престолонаследие, которого, честно говоря, и не желал. Его место в очереди занял младший – Константин-Кристоф, как бы «вице-король», запасной вариант.

Изменение положения в иерархии не привело к изменению отношений в семье. Трое братьев-принцев: Александр, Фризо и Константин остались лучшими друзьями, более того – сплотились сильнее.

Сплотились в желании приносить пользу стране и народу.

Современные принцы и короли, в отличие от предшественников, не почивают на лаврах, не занимаются бесполезным времяпрепровождением. В условиях царствующей демократии они обязаны заботиться о государственном больше, чем о личном, жить чаяниями граждан, показывать, что не зря существуют на деньги налогоплательщиков. Иначе те возмутятся да, чего доброго, отрекутся от монархии, сбросят бездельников с престола.

Быть сброшенными с престола не грозило потомкам Виллема Первого Оранского. С приходом молодых и красивых Александра и Максимы популярность монаршей семьи поднялась до невиданных высот. Секрет популярности прост: быть вместе с народом – в радости и в горе. Не отдаляться, а приближаться. Простота привлекает. Потому почаще спускаться с небес на землю... то есть выходить из дворца на улицу – чтобы показать: хоть и стоят выше других, но слеплены из того же теста.

Не считают зазорным, к примеру, выпить пива в компании соотечественников – победителей Олимпийских игр и в минуту всеобщей радости, обнявшись за плечи, станцевать «канкан». В минуту же общенациональной печали – теракта, природного катаклизма или группового несчастного случая не прячутся за ширмой собственного благополучия, а под-

держивают потерпевших. Поддерживают не дежурным словом из телевизора, а живым присутствием на месте события.

И каждый день, как простые граждане, отправляются на работу – посещают мероприятия в собственной стране или ездят по миру с дружественными одновременно деловыми визитами.

В поездках, на церемониях, на отдыхе Александр и Максима всегда вместе. Ни разу не пожалел он, что выбрал в королевы не высокомерную представительницу местной элиты, а обычную девушку из Аргентины. Ну... не совсем «обычную». Дочь министра. Когда увидел, не думал о ее происхождении. Вернее сразу догадался, что она ему ровня. Может даже выше. Александр высок по праву рождения, но особыми талантами природой не наделен. Максима же из тех редких женщин, у которых ум, красота и характер соединились в абсолютной гармонии.

Эту гармонию внешнего и внутреннего он заметил при первой же встрече на приватной вечеринке в Барселоне. Среди знакомых лиц – мелькнуло незнакомое и ослепило его. Будто вспыхнула «супер новая» звезда, заставила остальных гостей, как второстепенных звездочек, померкнуть и разбежаться по своим галактикам. Она предложила ему целую Вселенную. Он ей – «всего лишь» руку, сердце и коро-

левство. Какое счастье, что она согласилась сойти к нему с небес...

Счастье продолжается до сих пор. Не притворное – только для фотографий и телесъемок, а самое настоящее. Которое невозможно сыграть. Александр смотрит на жену, и губы сами по себе расходятся в улыбке. Максима улыбается – излучает энергию любви. Их энергия заряжает и народ любовью – к королевской семье в частности и монархии в целом. Престиж которой помогают поддерживать двое братьев короля. Разные по характеру, они схожи в главном – оба счастливы в семье и успешны в труде. Вместе с женами работают без скидок на происхождение и далеко за пределами «конторских» часов.

Собираться вместе удастся не часто, но на два главных праздника года Рождество и Пасху обязательно. Эти дни – святые не только для церкви, но и для семьи: откладывали дела, друзей, церемониальные обязанности и выезжали на альпийскую природу отдохнуть от житейских забот, спрятаться за горами от цивилизации.

Иногда полезно пожить примитивно, отдохнуть от благ, забыть про статус. Конечно, не до такой степени, что туалет на улице и умываться водой из ведра. Удобства должны быть, но без особых привилегий и охранников за спиной. Как у

всех, приезжающих на горный курорт.

И жилье как у всех. В Альпах семье принадлежал дом, ничем не отличающийся от остальных, разбросанных по крутым склонам. В своей маленькой стране у Северного моря – устало вздыхающего, мутного, как глаза старика, они живут во дворцах, гордо вздымающихся над плоским, как стол, ландшафтом. Часто бывает он покрыт густой вуалью тумана – взгляду не за что зацепиться, краску не на что положить, а дышать тяжело, будто от сырости легкие покрылись изнутри мхом. Голландские художники неохотно писали блеклые родные пейзажи, все больше многоцветные итальянские или вообще мифические.

Фризо, если бы умел, писал горные. Здесь глазу нескучно, и в руку сама просится кисть. Здесь горизонт не прямая линия, а ломаная, похожая на нотный стан: от вершины к вершине – от ноты к ноте, вечная музыка гор. Здесь постоянная изменчивость: сделаешь пару шагов, а картина уже другая – открылась церквушка над обрывом, или одинокий домик на берегу ручья, или поляна нежных эдельвейсов, или стадо овец, пришедших пощипать свежей травы.

Здесь воздух особый – бодрый, хрустально-прозрачный, как бы звенящий – дыши не надышишься, и хочется взять его с собой, но нет такой коробки, в которую можно упа-

ковать воздух. Здесь даже снег другой – по-юному чистый, сверкающий мириадами искр, переливающийся в солнечных лучах так, что меркнут самые ценные земные бриллианты. Да что бриллианты! От них ни тепло, ни холодно, ни воспоминаний, ни ожиданий. Вот снег – да. В него упасть, раскинуть руки и лежать – смотреть в бездонное небо... Забытое удовольствие детства, счастье беспечности, свобода мыслей, о которой взрослым только мечтать.

Здесь солнце – такое бешено радостное, будто готово выпрыгнуть из самого себя и лететь дарить свет и тепло не только Земле, но всей Вселенной.

Здесь человек не хозяин, а гость. Условий не выставляет, привилегий не требует. И не строит дворцов, потому что глупо соревноваться с красотой природы, пытаться выглядеть величественно среди гор. Здесь только их величие имеет значение, перед ним все равны: монархи, миллионеры, туристы, деревенские жители. Выше гор могут быть только горы, а люди на их фоне муравьи.

С прогулок по склонам они возвращаются в свои муравейники... по-местному называются шале. У семьи оно называется «Старая почта». Сработано из дерева, обставлено скромно. Не теми классически добротными, по-королевски значимыми, порой слишком тяжеловесными вещами, как в

их жилищах на родине, а экологически чистой, грубовато сколоченной, деревянной мебелью, создающей уют именно непритязательностью и простотой.

И кого здесь удивлять изысканностью, дороговизной? Вековые ели и сосны? Они смотрят равнодушно и молчат задумчиво – познавшим высшую мудрость не до человеческой суеты. А мудрость в том, что чем ближе к природе, тем на душе спокойнее и на сердце светлее.

В естественной обстановке легче почувствовать себя естественно, сбросить тяжесть монарших регалий и обязанностей.

Которые слишком многое запрещают и слишком многого требуют. Они тяготят Фризо. В отличие от братьев, он так и не смирился с «должностью» принца. Принадлежность к королевской семье не всегда благо, чаще тяжкая обязанность. Строгое подчинение правилам, послушание предписаниям, постоянная оглядка на «общественное» мнение. То не скажи, это не сделай, туда не смотри, сюда не ступи. Принудительные поездки с визитами, бесконечное пожатие рук, приклеенные улыбки.

Бесполезная трата жизни.
Невидимая тюрьма.

Руки и ноги в оковах протокола. Душа в железных доспехах. Сердце в жестких силках. Боишься сделать неверный жест, сказать не то слово. Становишься сам себе цензор и трус внутри.

Фризо не трус.

Душа не терпит на себе железа, сердце не хочет пут.

Как можно больше узнать, испытать, прочувствовать – значит жить.

Жить ярко, на скорости и по своим законам – во что привлекало Фризо с юных лет. Однажды они с другом Флорианом носились на мотоциклах по ночным улицам столицы. Королева-мать узнала. Сказала «Твоя жизнь принадлежит государству, ты не имеешь права ею рисковать» и взяла с Фризо обещание покончить с гонками. Перед полицейскими неудобно. Они не будут делать скидку на происхождение нарушителя, наоборот, почтут за честь оштрафовать отпрыска монаршей семьи. Быть в роли просительницы за сына королеве не по статусу, штрафы платить унижительно. Высокое положение – это не разрешение на нарушения. Оно дает повышенные права, но и обязывает строго соблюдать правила. Пусть сыновья привыкают и смиряются.

Смирение с ограничениями – оскорбление мечты. Езда

черепашью шагом – оскорбление мотора. Фризо пообещал матери не нарушать скоростной лимит, установленный на дорогах родины. Обещание выполнил, но слукавил: теперь они с Флорианом гоняли по дорогам Германии, там без ограничений.

И в горах без ограничений.

Без глупых табличек, вроде тех, что вдоль дорог: по этой двигаться не быстрее девяноста, по этой не быстрее ста тридцати. В горах другие законы. Здесь, как нигде, понимаешь: человек не так всемогущ, как думает. Он – на царь природы, а ее дитя. Блудный сын. Плутает в дебрях собственных идей, пытается объять необъятное, совершить невозможное, покорить то, что ему не по силам. Устает, разочаровывается. Плачет. Бросает все и, как маленький, бежит за утешением к природе-матери. В ее объятиях обретает он покой и счастье.

Счастье испытывал Фризо, когда спускался со снежных вершин. «Заболел» горами давно, еще в детстве. И до сих пор когда видит на горизонте угловатую линию, разделяющую небо и землю, едва сдерживает желание топтать ногами и хлопать в ладоши, как ребенок при виде долгожданного подарка.

Лучшим подарком для маленького Фризо была поездка

в Эфтелинг – голландский предшественник американского Диснейленда. Кстати, американский Фризо не понравился. Там гигантомания, коммерция и полно народа, как в популярном торговом центре. На входе скачет и размахивает руками гипер-активный Микки Маус. Вроде, он заправился горячительным, как машина горючим, и целый день носится туда-сюда, подпрыгивает от ненатуральной радости, встречая толпу.

Где толпа, там нет места волшебству. Другое дело Эфтелинг – спокойный, ненавязчивый, уютный, как лес, по которому без страха бродила Красная Шапочка. Вместо подвыпившего Микки Мауса посетителей встречают гномы с грибными шапками на головах и выходящие из дерева великаны. Они не выкрикивают пустые приветствия и не смеются, как психически больные, а деликатно приглашают в сказочные королевства.

Посещение дворцов, населенных героями сказок Шарля Перро и братьев Гримм – для малышей. Для тех, кто постарше, аттракционы пострашнее. Фризо предпочитал «дракона». Сядишься в вагончик и несешься вверх-вниз по изогнутой спине чудовища, в конце падаешь в его пасть, как в пропасть. Вагончик бежит, покачиваясь, поскрипывая, кажется – вот-вот оторвется и отправится в свободный полет. Остается вцепиться в поручень и орать от ужаса и восторга.

Потом родители впервые привезли Фризо в Альпы, и он «подсел» на горы, как наркоман на героин. Без них он не может жить. А они, кажется – без него. Ждут с нетерпением. Встречают с добром: другим ломают руки-ноги, а Фризо до сих пор не нанесли ни царапины.

Когда-то давно он видел по телевизору: лыжник спускается с вершины плавными зигзагами, рисует змейку (или дракона) на снегу. Захотелось научиться так же. Подчинить дракона, побороть собственный страх.

Научился, подчинил, поборол. Но останавливаться на достигнутом не для Фризо. Съезжать с горы по правилам – детские игрушки. Черепаший шаг. Внутренний мотор желает скорости. Чтобы ветер свистел в уши, сердце билось в грудь. Когда слышишь его биение – чувствуешь, что живешь, наполняешься соками, молодеешь, расцветаешь. Когда сидишь в кабинете, сердца не ощущаешь. Оно будто останавливается, перестает разгонять кровь. Кровь у человека – то же самое что сок у растения, без ее движения он увядает, засыхает и в конце концов гибнет.

Погибать Фризо не намерен еще долго. В Оранской династии, начиная с королевы Вильгельмины, не принято умирать раньше восьмидесяти. Правда, отец Фризо принц Клаус

нарушил традицию. Выходец из старо-немецкой аристократии, он был абсолютно лишен эгоизма и высокомерия. Преданный семье, как породистая немецкая овчарка, он не нашел себе применения в стране, где царствовала его жена. Впал в депрессию и в конце концов тихо удалился в мир иной. Наверное, там ему лучше...

Предательство – расценил Фризо с максимализмом подросткового возраста. Это была первая смерть в его жизни. Как землетрясение. Он любил родителей со всей силой сыновней души. Часть ее умерла вместе с отцом. Утрату переживал долго и мучительно, держал в себе, плакал внутрь. Принцам нельзя плакать на людях. Можно на горах. Фризо выбирал самые крутые склоны и не спускался, но слетал вниз – потом снова наверх и вниз, целый день пока колени держали и пружинили. Усталостью вышибал печаль. Возвращался домой на слабых ногах и с мокрым от слез лицом. Никто не обращал внимания: обычное дело – слезы от солнца и снега, не забывайте про защитные очки.

На душу не наденешь защитные очки. Она плачет не от горящего солнца, а от гаснущего – когда любимые уходят в небытие. К счастью, мать сейчас в полном здравии – после операции на колене поправилась и даже собирается кататься на лыжах вместе с внуками. Братья тоже в порядке, любимая жена рядом, дочери. Уходить в небытие никто из близких не

собирается.

И Фризо не собирается. Он на вершине в прямом и переносном смысле: на пике жизни и горы. С высоты смотрит вдаль – в перспективу. Перспектива – это будущее. Это проекты и инвестиции, планы которых лежат на столе, вернее – в компьютере, ждут его решения – как вице-президента крупнейшего мирового банка. Фризо рассмотрит и решит: внедрять то, что не вредит природе, а еще лучше – что сохраняет ее, восстанавливает. В том его миссия, как члена королевской семьи. Смотреть дальше сего момента, ощущать ответственность за человечество, спасти планету. Ставить общее выше личного – не красивые слова, а насущная необходимость. Ведь на этой планете жить его детям и внукам, значит, думая об общем, он заботится и о своем.

Именно в том находит удовольствие. В отличие от деда – принца Бернарда. Тот находил удовольствие в уничтожении природы. Охотился на редких животных, убивал львов, как зайцев. Фотографировался на их фоне с довольной улыбкой и сигарой в зубах. Но... Фризо не осуждает. Другие времена, другие идеи. Впрочем, дед к концу жизни новыми идеями вдохновился и создал фонд защиты диких животных имени себя.

Как говорится – лучше поздно, чем никогда. А Фризо не

будет дожидаться, когда наступит «поздно», он будет делать вовремя. Большие дела требуют большого здоровья. Фризо тренирует мозг в конторе и тело в горах. Экстремал на работе и на отдыхе.

Конечно, никто не требует от банкира заниматься в отпуске экстремальным спортом, можно как все: съездить на море, понырять с аквалангом, пофотографировать экзотических рыб или полежать на берегу, чтобы придать бледному, как медуза, телу цвет песка – от мокрого до золотистого в зависимости от типа кожи. Так делает его личная секретарша меффрау Де Плас. Три раза в год она отправляется в какую-нибудь страну поближе к экватору, лежит под тропическим солнцем. В промежутках между поездками ходит в солярий, лежит под искусственным солнцем. Ее тело приобретает коричневатый оттенок и сияет, будто облитое медом. Дама демонстрирует загар, как доказательство деловой успешности и отличного здоровья.

Демонстрировать успешность и здоровье не запрещено, но это не для Фризо. Кстати, у него никогда не было романа с меффрау Де Плас, вопреки общепринятому мнению про начальника и секретаршу. Во-первых, он не любит поступать общепринято. Во-вторых, он ненавидит мед.

Кажется, меффрау Де Плас проводит в лежачем положении

не треть жизни, как все нормальные люди, а около половины. Видимо, женщины легче справляются с бездельем. Фризо не выдержал бы. Он отдыхает тогда, когда работает – физически. Телу необходима регулярная встряска, акция. Один спортивный гуру говорил: «в гробу належимся» и начинал гонять волнами пудовые канаты – новый вид силового фитнеса.

Хорошее упражнение, чтобы сжечь лишнюю энергию.

Мужчин Оранского рода всегда отличала повышенная энергичность, даже эксцентричность, порой с оттенком помешательства. Как у одного из предыдущих Виллемов. Он был высокий, крепкий, подвижный, голова горела как факел – требовалось остудить. Остужал своеобразно. В военное время не стоял вдалеке, наблюдая за ходом боя, а, нарушая правила, в первых рядах сражался с врагами. В мирное время, опять же пренебрегая правилами, купался в фонтанах да сражался с нерасторопными слугами.

Может и Фризо унаследовал его помешательство в виде желания испытать на себе опасность, превысить дозволенное, наплевать на запрет?

Впрочем, любовь к риску – это у них семейное. Старший брат Александр мечтал стать пилотом. И стал. Прошел кур-

сы, налетал положенное количество часов. Чтобы не терять квалификацию, регулярно садится за штурвал пассажирского самолета отечественной компании КЛМ. Фризо представлял лица пассажиров, когда после приземления они видели короля в пилотской форме, выходящего из кабины. Если бы знали с самого начала – чувствовали бы себя увереннее во время полета. Почему им сразу не сказали?

Потому что в определенных ситуациях стоит соблюдать инкогнито, не размахивать флажком – вот он я, Ваше Величество! Скромность – украшение королей. Излишнее внимание пусть достается персонажам из телевизора, которые на том деньги зарабатывают. Александру пустая популярность ни к чему. Скрывает имя когда возможно.

Как-то по молодости задумал он совершить на коньках традиционный зимний Одиннадцать-городов-пробег. Пробежать наравне со всеми – чтобы его не пропускали вперед, как особенного, и не толкали исподтишка, тоже как особенного.

Накрылся сверху шапкой, снизу шарф натянул, закрыл пол-лица, назвался Виллем фан Бюрен.

Никто и не узнал до самого финиша. Там уже ушлые корреспонденты разнюхали, когда заметили среди встречающих

королеву. Распознали среди прибывающих наследника престола. Рассекретили инкогнито. Кстати, под тем же совершенно обычным голландским именем он водит и самолеты.

Сейчас Александр сидит за штурвалом вертолета, везет семью к месту отдыха. Его рыжая голова виднеется из-за наушников. За полгода, что не виделись, старший брат потемнел, помудрел, заматерел, как вожак Акела из рассказов про Маугли. Король – это вожак по должности. И по характеру. Александр подходит по всем статьям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.